

БОТаника РАССЕИВ

ФОНДОРРАД

ИЗДАТЕЛЬСТВО СВАТ

Богомил Райнов

Юнгфрау

— Прохладно на улице, — сказал официант.

— Неважно, все равно хорошо.

На улице действительно стояла прохлада, дул ветер, но можно было смотреть на Альпы. Чуть ли не сразу за домами напротив вздымалась гора — массивная и неприступная, своими ребристыми громадами заслонившая полнеба. В синих тенях склонов ежились сосновые леса, по кручам нависли влажные зеленые утесы, а наверху — высоко над разорванными облаками — сияли снега.

Посреди хаоса зубцов и скалистых цепей улица городка проступала в котловине неожиданным гнездышком порядка и человеческого уюта. Свежевыкрашенные в розовый и кремовый цвет виллы, бары с красными навесами, заботливо подстриженные деревца. Даже старинная готическая церковь в глубине улицы выглядела тщательно отполированной и очищенной от пыли, словно украшение в гостиной.

Официант принес кофе, сделал еще какое-то замечание о холоде и отошел. Рядом никого не было. Почти никого, потому что за соседним столиком сидел перед бокалом дымящегося грога мужчина в возрасте.

«Любитель выпить,» — подумал я, посмотрев на сморщенное лицо и впалые помутневшие глаза.

— Плохая погода, да, господин? — сказал незнакомец, заметив, что я на него смотрю.

— Что хотите — осень, — пробормотал я.

И из любезности добавил:

— Вы здешний?

— Да, здешний. Вообще-то, я француз, но поскольку уже тридцать пять лет живу здесь, то можно сказать, что здешний.

— Наверно, приятно проживать в этом городке. Альпы, воздух...

— А вы давно приехали?

— Сегодня утром. И вечером уезжаю.

— А, ну тогда вам будет приятно. Тут становится скучно на второй день. А потом — совсем отвратительно. Альпы, все верно. Но вот люди...

— А что здесь люди?

— Ничего, — криво усмехнулся незнакомец. — Люди как люди.

Он помешал ложечкой грог, отпил немного — убедиться, что не горячо, — а потом разом опрокинул в себя.

— Одно вам только скажу: не видал существ жаднее. Шкуру бы свою продали — лишь бы цена была хорошая.

Опять показался официант:

— Кто-нибудь расплачивается?

— Никто не расплачивается. Принеси еще один грог.

— Денег не ненавидят, да?

— Ненавидят? Да только ради них и живут. Затаились в этой яме и поджидают жертв. Каждый сжимает свой маленький фокус: содержатель кафе зарабатывает на Альпах; тот, что на углу, хапает от вида на собор; владелец «Золотого оленя» завлекает венскими котлетами, а хозяин «Золотой рыбки» — своей красивой женой. Не знаете вы этих людей. Что, думаете, они в этот момент делают? Живут? Радуются? Скорбят? Ничего подобного. Ждут. Целый день только и ждут. Ждут сбора кассы. А-а, вот тогда эти флегмы наконец-то оживают. Особенно, если прибыль хорошая. Если прибыль хорошая, то хозяин растает от блаженства, выпьет на рюмку вина побольше и будет барахтаться с женой по кровати, как в молодые годы.

Официант принес грог и стоял у стола.

— Отойди — свет загораживаешь, — сказал незнакомец.

— Я думал, вы будете расплачиваться. Шесть часов.

— Хорошо. Сколько?

— Пять, мсье Анри, как обычно.

Тот подал какую-то банкноту и парень отошел. Мсье Анри опасливо попробовал напиток и опять опрокинул в себя, как и первый раз.

— Но вы же остались жить среди этих людей тридцать пять лет...

— Верно, — сказал незнакомец, вставая. — Только это такое, чего в двух словах не объяснишь. Хотя, если хотите, мне и самому не сильно понятно.

Он снова как-то криво усмехнулся, кивнул на прощание и пошел. Высокий, слабый, с немного присогнутой фигурой, закутанной в широкое черное пальто.

Я попытался угадать, чем живет этот человек и зачем вообще живет в этом городке, который ненавидит. Сначала подумал, что учитель. Потом решил, что какой-нибудь неудавшийся художник. А потом забыл о нем. Есть ли край человеческим историям?

Мой поезд отправлялся в час ночи. Оставалось еще целых семь часов, которые я просто не знал, как провести. Я расплатился и пошел по улицам наобум, рассеянно оглядывая магазины. Товары для иностранцев и ничего другого. Задаешься вопросом: а где же вообще делают покупки сами жители? За витринами заботливо уложена дорогая туристическая обувь и лыжные принадлежности, бинокли и фотоаппараты, золотые часы и чемоданы из свиной кожи. В книжных магазинах в основном полицейские романы, которыми принято убивать часы поездки и долгие курортные ночи. На каждом шагу продавались сувениры — пепельницы с Монбланом^{1}, альпийские рожки, шелковые платки с картой Швейцарии — в общем, все те вещи, какие покупают туристы и увозят в доказательство того, что действительно были там или здесь.

Я зашел в какое-то заведение, просмотрел вечерние газеты и снова вышел. Начал соглашаться с мсье Анри. Одного дня было предостаточно, чтобы надоел и город, и альпийский вид. Некуда пойти, не с кем поговорить. Люди любезны, но замкнуты, с расчетливыми взглядами и самодовольными румяными щеками. С этими людьми трудно было поговорить о чем-то другом, кроме погоды или цен на рынке.

Стемнело. С мрачных горных громадин долетал студеной влажный ветер. Над фасадами шевелились с протяжным скрежетом лампы. По улице колыхались пятна света и теней. Потом внезапно хлынул крупный дождь.

На противоположном углу блестели зеленые неоновые буквы:

ОТЕЛЬ-РЕСТОРАН «ЮНГФРАУ»

Как раз вовремя. Я вошел через вращающуюся дверь и сел в углу возле витрины. Не было нужды глядеть в меню, чтобы понять категорию заведения. Тяжелая кожаная мебель, толстые льняные скатерти, хрустальные вазы с крупными чайными розами, лампы из китайского фарфора с шелковыми абажурами.

За столиками уже кушало человек десять с полными краснощеками лицами. Те же самодовольные лица. Официант в белом смокинге принес меню и покорно склонился над столиком:

— Что господину угодно?

Голос был знакомым.

Я поднял глаза.

Официантом оказался мсье Анри — только сейчас по его морщинистому лицу разливалось какое-то неприятно угодливое выражение.

— Вот так славный сюрприз, — сказал я.

Тот улыбнулся, но не вышел из служебной позы.

Я заказал ужин и стал ждать.

На улице ветер плескал в темную витрину потоки воды, но в озаренной мягким зеленым светом зале было тепло и уютно. Цветы в вазе приятно благоухали, из радио в глубине салона пел что-то о любовной тоске горловой женский голос.

— Одну розу, господин...

Слабая старческая рука протягивала мне через плечо увядшую розу.

— Фрау Ланге... — недовольно обратился Анри.

Я обернулся. У столика стояла жалкого вида женщина, закутанная в рваную мокрую шаль. Голова у ней была покрыта черной старомодной соломенной шляпкой. Из-под шляпки на меня смотрели робкие синие глаза. Было в этих влажных глазах что-то такое, от чего сжималось сердце, что-то вымученное и по-детски беспомощное.

— Оставь женщину, — сказал я.

Глаза под шляпкой оживились.

— Я знаю, что не следует беспокоить господ, но я это делаю не ради себя — это ради сына, ради моего сына, — поспешно прошептала женщина.

Я взял цветок и сунул руку в карман. В это время к нам подошел содержатель.

— Оставь ее в покое, — проворчал он в свою очередь официанту, продолжавшему хмуро смотреть на старуху.

И обернувшись ко мне, добавил:

— К чему отпихивать этих несчастных, не правда ли? Кто хочет, подаст, кто не хочет, не подаст. Не правда ли?

Это был пожилой здоровяк с открытым приветливым лицом. Он тоже был набит довольством по самое голое темя, но хотя бы казался милостивым.

Я ел как можно медленнее и несмотря на это, когда закончил, было только-только десять. Остальные посетители разошлись. Прислужница убирала цветы и снимала скатерти. Анри принес кофе и счет.

Я вышел. На улице разливала зеленые отражения по мокрому асфальту реклама «Юнгфрау». Дождь кончился. Я заколебался, не зная, куда пойти, и тут увидел, что следом выходит Анри, вновь надевший широкое черное пальто. Вместе с белым смокингом он снял с себя и угодническое выражение. Теперь он опять походил на учителя или потерпевшего крах художника.

— Спокойной ночи, господин.

— Слушай, — сказал я, — может, выпьем?

И увидев, что тот заколебался, я спросил:

— Или может, тебя ждут дома?

— Никто меня не ждет. Только предпочел бы где-нибудь подальше. В привокзальном буфете, если желаете...

В буфете было тихо, как и всюду в этом городке. Несколько пассажиров дремали у столиков перед кружками выдохшегося пива. За окнами медленно отходил электропоезд.

Мы заказали кофе и коньяк и сели в углу.

— Уже много лет привык сюда приходить по вечерам, — сказал Анри, словно извиняясь. — Создается впечатление, что ты в этом городе лишь временно, и немного погоды, если захочешь, можешь сесть на поезд и уехать навсегда.

— Да, но после этого возвращение, наверно, еще неприятнее.

— Смотря по обстоятельствам, — ответил он, зажигая сигарету. — После пятой рюмки обычно совершенно безразлично.

Официантка принесла напитки и заботливо сунула под пепельницу талончик с ценой.

— Не совсем понимаю, — сказал я. — Ты ненавидишь эти места, а все же остаешься тут.

— Верно. Да только наступают годы, когда для человека уже не имеет большого значения,

где он остается. Как после пятой рюмки.

— Ну, да — но раньше, поначалу?

— Это длинная история. И совершенно неинтересная.

Он поднял рюмку с коньяком, посмотрел на свет, потом одним духом опрокинул.

— Хозяин ваш кажется добрым человеком, — заметил я, просто чтобы сменить тему. — С таким, наверно, легко работается.

Анри затянулся сигаретой и жадно вдохнул дым. После этого сказал со своей кривой усмешкой:

— Добрый... Что вы знаете...

— Ничего не знаю. Просто такой у него вид.

— А, это да. Вида у него сколько хочешь. Этим видом он деньги зарабатывает. И людей тоже.

— Дураков вроде меня, а?

— Не о вас речь. Вы иностранец, проезжаете и уезжаете. Дурак, если и есть, то я. Тридцать пять лет гну спину на этого типа — причем просто так, сам не знаю, зачем.

Он задумчиво повернул голову к окну, словно оценивая: действительно ли то, что он сказал, и впрямь так.

Я тоже посмотрел на улицу, хотя там и нечего было смотреть. Электропоезд давно ушел и сейчас под белыми холодными лучами неона простирался перрон — пустой и тоскливый. В ночных вокзалах всегда есть что-то тоскливое, какая-то скука и одиночество, которое просачивается в свет ламп, в неясные тени, в желтоватые лица людей.

Я посмотрел на лицо Анри. Тот перехватил мой взгляд.

— Тридцать пять лет... Вы отдаете себе отчет? Вы, наверно, думаете, что я только и знаю, что котлеты по столикам разносить. Ошибаетесь, господин. Когда-то я был учителем. Потом ушел на фронт. А потом настала безработица. Хорошо, что я знал языки — кто знает языки, может стать официантом. Прислуживал то там, то сям, пока однажды не оказался здесь, в «Золотом олене». В том же заведении работал и Йоган — теперешний мой хозяин. Тогда-то он еще не был никаким хозяином, но уже имел свои планы. Он мне сразу понравился. Не называл меня, как другие официанты, «господин профессор». Относился ко мне по-дружески и с уважением. Иногда говорил:

«Ты, Анри, человек культурный. Зачем взялся за такую работу?»

«Что ж делать, — отвечаю, — учителя английского языка никому не требуются.»

«Брось английский. Это денег не приносит — нужно другое. Во всяком случае, знай, что я о тебе думаю. Если кое-что получится, то и ты и я заживем по-другому.»

И вот приходит однажды Йоган и говорит:

«Готово, Анри. С утра начинаем.»

«Да? А что мы, вообще-то, начинаем?»

«Открываю, — говорит, — собственное предприятие. Будем почти компаньонами. Мне — прибыль в кассу, тебе — все проценты. Только скажи «да» — и деньги потекут тебе в карман.»

Я, разумеется, согласился. Не то чтобы сильно верил в наживу, сколько из-за самого Йогана. Такому человеку просто невозможно возразить. Он держит тебя за руку, смотрит такими веселыми глазами. Вид у него, говорите. А знали бы вы, каким он был тогда. Крупный, стройный, с темными кудрявыми волосами, ровными белыми зубами: только улыбнется — и уже подкупил.

Пошел я на следующий день в заведение. Развалившаяся двухэтажная постройка здесь, у вокзала. Нижний этаж — что-то вроде амбара или конюшни. Наверху пять-шесть разбитых комнатушек.

«Ну, и как оно тебе? — смеется Йоган. — Неплохо для начала, а?»

Анри говорил ровно, спокойно, как говорят о вещах, к которым не раз возвращались. «Выложит сейчас всю историю, — думал я. — Таковы люди. Когда расспрашиваешь — отпрянут. Потом нажмешь какую-то пружинку — и он выложит тебе все. У каждого есть своя пружинка. Надо только знать — где.»

Человек говорил, не глядя на меня. Если бы не слышалось время от времени его почтительное «господин», то я бы счел, что он говорит сам с собой и совершенно обо мне позабыл.

— «И вывеску, — говорит, — уже надумал: Отель-ресторан «Юнгфрау»{2}.»

«Юнгфрау — далеко, — говорю, — другое надо было название выбрать. Вершин-то хоть в округе хватает.»

«Если вершина и далеко, то одна «юнгфрау» имеется поблизости. После обеда увидишь,» — говорит Йоган и посмеивается.

Анри протянул руку за рюмкой, но та была пуста. Я кивнул в сторону бара. Официантка принесла еще коньяку и опять аккуратненько так сунула талончик с ценой.

— Два, — напомнила она.

— Я не спрашивал, — пробормотал Анри. — Иди, зовут тебя.

— Никто меня не зовет, — засмеялась девушка.

— Не зовут, так позовут. В общем, проваливай.

Он выпил свой коньяк и опять уставился взглядом в окно. Особый был взгляд у этого человека. Туманный, погасший. Даже когда губы изрекали какую-нибудь остроту, глаза оставались все так же скорбны, словно говорили: не обращайтесь внимания, это я так.

— Его «юнгфрау» звали Марией. Какая женщина, господин! Ничего общего с сегодняшними красавицами-щепками, которые худеют согласно платьям портного. Она была крупная, слегка полная, может быть, но настоящая женщина — чтобы работать и рожать детей. Волосы у ней были, как пшеница, а глаза — темно-синие, понимаете ли, почти черные. А какой голос, какой смех... Этого не опишешь.

— Она тоже была официанткой?

— Прислужгой. Просидела годы в одной богатой семье и скопила достаточно денег. Йоган ее

встретил и околдовал. Потому что — верите или нет — но та была прямо-таки околдована.

Как бы то ни было. Представьте себе, однако, эту метаморфозу: из прогнившего барака сделать удобный отель. Верно, что у Йогана имелись деньги — деньги Марии. Но он был не из тех, кто транжирит готовый капитал. Крупные заплаты ставили каменщик с плотником, все же остальное свалилось на нас. Мы красили полы, клеили обои, прокладывали проводку, строгали столы, а Мария шила занавески, скатерти, полотенца и все там, что требуется. Вставали затемно, ложились в полночь. А на следующий день — тот же табак.

Анри замолчал. Потом снисходительно добавил:

— Весело все же было. Пока молод, легко развеселиться. Мария целыми днями нам пела. Как пела эта женщина! Йоган шутки всякие отакалывал.

«Ну, — говорит, — Анри, хватит уже столько столов. Ты, чтоб процент побольше брать, и подвал столами заполнишь.»

Потом настала пора открытия. От прошлого барака и помина не осталось. Чистый розовый фасад, широкий светлый ресторан, белые скатерти, цветы, пестрые занавески на окнах. Если спросите меня, то было лучше, чем сейчас. Дешевле, но веселее. Йоган чувствовал себя, как в раю. Вам нет нужды объяснять, что он был не из тех, кто встречает посетителя, словно сердится, что тот зашел к нему в заведение. Он его дождется еще у двери, отыщет место, скажет что-нибудь о погоде, отпустит шутку, даст совет о вине, о еде, пока тот не решит, что из всех клиентов он здесь самый желанный.

Анри зажег сигарету и глубоко затянулся. Потом выдохнул дым и губы его опустились пологой чертой. Нерадостная кривая усмешка.

— Когда господь раздавал официантские таланты, Йоган явно был где-то в первом ряду. Вот уж мастер по обиранию клиентов.

Только ничто не привлекало людей так, как Мария. Я и сейчас вижу, господин, как она стоит за баром, в чистой кремовой блузке, с высокой открытой шеей и этими тяжелыми пшеничными волосами, подобранными кверху. Каждому улыбнется, для всякого найдет хоть словечко. Посмотришь на нее — такую свежую и веселую, — и даже не поверишь, что она встала на заре, сама вымыла весь ресторан, обошла базар за продуктами и убралась во всех номерах. Йоган был не дурак нанимать других, кроме повара. Все остальное — на плечи Анри и Марии. Якобы думал обо мне, какое только будущее мне не готовил, а в конце концов опять сделал официантом.

— Деньги не сыпались?

— Сыпались, только не ко мне в карман. Йоган и меня обирал, как всех остальных.

«Ну, Анри, на сколько сегодня доход закруглил?» — скажет бывало вечером, когда забирает кассу.

«Да франков на восемьдесят.»

«И мне так кажется. Целое богатство. Значит, дорогой мой, ты зарабатываешь, можно сказать, как содержатель». И смеется.

А как начнет смеяться, я уже знаю, куда дела повернули.

«Сколько удержать?» — спрашиваю напрямую.

«Да сколько хочешь, принуждать не могу. Удержи пятнадцать франков, скажем. Ты ж не

погряз в долгах, как я. Не платишь за газ, воду, электричество, налоги, аренду. Сколько берешь — берешь чистыми, без удержек и головной боли. Ты можешь удивиться, но я тебе иногда прямо завидую.»

Вот такой он был. Урывал и с меня, и с повара, и с зеленщика, и с мясника. Налоговому инспектору жаловался на цены на продукты, продавцам — на налогового инспектора; где доводами, где шутками, но всегда добивался своего. Зачем вообще с ним оставался и я — не знаю, скажу я вам.

Анри посмотрел на пустую рюмку и поднял руку к бару.

Официантка принесла еще коньяку и новую картонку.

— Хватит тебе совать мне под нос эти квиташки, — сказал он. — Еще не дошли до составления счета. Положишь вон там, с краю стола.

— Как хотите, — сказала девушка. — Почему вы сердитесь?

— Вы тут только о деньгах и думаете.

— Мы ж не как вы в «Юнгфрау», чтоб бесплатно обслуживать, — засмеялась официантка.

— Свое дело знай, — отрезал Анри. — Иди, зовут тебя.

Он поднял рюмку, подержал мгновение, словно оценивая, хорошо ли она наполнена, а потом так же разом опрокинул.

— А Мария? — спросил я. — Поженились они вообще?

— Нет. Все некогда им было. Да и как-никак она не из того была разряда женщин: будем спать вместе, но сперва пойдем в церковь. Ей хватало того, что она рядом с Йоганом, встречается с ним взглядом, работает, как вьючное животное. Йоган тоже здорово втрескался. Что ж, с такой женщиной и хитрец вроде него может влюбиться. Я тогда даже думал, что все его мелкие расчеты — от любви к Марии.

«Еще немного выплывем, красавица моя, — часто говорил он. — Тогда увидишь, как заживем. Будет у нас и свой дом и дети, будет сад с большими деревьями и луг до самого озера, а в отеле станут работать служанки. Ты, Анри, человек честный, на тебя кассу оставим.»

«Вот в это я не верю,» — говорю.

А тот смеется. «Верно, — говорит. — Эк куда меня занесло. Не то чтобы я не доверял, но английская грамматика и трактирные счета — это разные вещи.»

Еще немного, еще немного — прошло два года. Мария вовсе не мечтала о разных имениях, но вы же знаете, о чем думают молодые женщины. Когда не было клиентов, она доставала сумку с рукодельем и начинала вязать. Всё такие маленькие распашонки, штанишки, чулочки.

«Как ты думаешь, Анри, — скажет мне бывало, — розовое красивее или голубое?»

«Что я понимаю в этих делах, фройляйн{3}? Если ребенок будет похож на вас, то хоть и в белую пеленку его повяжете — все равно красивый будет.»

А та улыбается, словно уже видит ребенка и знает, что он красивый.

Поначалу все было так только — игра в куклы. Но потом стало всерьез. Однажды Мария

призналась Йогану, что у ней и правда будет ребенок.

«Невозможно, милая — ты от него избавишься,» — сказал он кротко.

«Избавиться от ребенка? Нашего ребенка?»

Йоган обнял ее и самым нежным тоном сказал:

«Пойми, милая, у меня самого сердце разрывается, но другого выхода нет. Ты же видишь: мы только-только начали. Положение совсем неустойчивое, денег пока еще никаких. И в этот тяжелый момент, когда решается вопрос, будем ли мы всю жизнь прозябать в нищете или проживем, как люди, ты оставляешь отель, чтобы рожать ребенка. Ведь это означает конец — конец всему.»

Известное дело, Мария его убеждала, что продолжит работать до последнего момента, что служанка понадобится лишь на две-три недели, что все будет, как пожелает Йоган, только бы ей родить ребенка.

«Знаю, знаю, — отвечал Йоган, — только пойми, что это невозможно. Я не хочу, чтобы мой сын рос в нищете. Надо еще немного подождать и будет у нас свой дом и много детей, и все будет даже еще лучше, чем ты мечтаешь.»

— Считаете, что он так сказал? — спросил я.

— Почему считаю? Знаю положительно.

Анри смолк, словно заколебался.

— Только это уже другая история. Немного позднее Йогану пришлось нанять второго официанта. Тот был малый честный, но влюбился в Марию. Только ни у того не было глаз Йогана, ни Мария не могла подумать ни о каком другом мужчине. В общем, дело безнадежное. Но намного позже она ему кое-что рассказала и от него я знаю все, как было.

— Понятно.

Из домика-часов, повешенных над стойкой, показалась маленькая коричневая птичка. Затем раздался дребезжащий срипящий звук, каким кукуют все деревянные кукушки. Пассажир, задремавший за соседним столиком, открыл глаза, посмотрел на часы и механически протянул руку к кружке пива. Пиво выдохлось. Пассажир нахмуренно сглотнул слюну, после чего снова подпер голову рукой и закрыл глаза.

— Понятно, — повторил я. — А ребенок?

— Не догадываетесь разве? После нескольких ночей слез и упрашиваний Йоган добился своего. Мария избавилась от ребенка. А вместе с ним и от всякой возможности иметь других детей. Нетрудно представить себе ее состояние. Но какая же это была женщина, господин, — ничем себя не выдавала. Все так же тиха, приветлива — только вот совсем редко уже смеялась и вязаные одежки куда-то пропали. Наверно, время от времени доставала их, плакала над ними, но этого уже не знает никто.

Анри зажег сигарету, посмотрел на пустую рюмку, однако воздержался.

— Это вот, женщины-то, — сказал он, сглотнув слюну, — существа особенные. Вместо того, чтобы остыть к Йогану, Мария — верьте или нет — еще больше к нему привязалась. Он ей сочувствовал, клялся, что если бы даже на миг допускал такое несчастье, никогда бы не заставил ее идти к врачу, ласкал, называл самыми нежными именами. И теперь уже Мария знала, что за всю жизнь не будет у нее никакого другого близкого существа, кроме Йогана.

Сам он, сказать прямо, сильно не сокрушался. С детьми или без, а дела шли. Отель всегда полон, ресторан тоже — и я, хоть бегал целыми днями, еле поспевал. Зачем вообще оставался у этого человека, не могу сказать.

А хозяину — он уже сделался настоящим хозяином — строение у вокзала стало казаться тесным.

«Как думаешь, Анри, не пора ли подрасширить предприятие?» — говорил он мне иногда, словно я и впрямь ему компаньон.

«Если есть деньги — расширь, чего меня спрашиваешь. Только не забудь и мне несколько пар рук подкупить — потому что этих двух мне уже и сейчас не хватает.»

«Не волнуйся, — смеется, — возьму тебе четырех официантов, а ты только командовать станешь. Метр-д'отелем будешь — а что? Я о тебе думаю, приятель, не бойся.»

И однажды он уступил строение по выгодной из-за большой клиентуры цене, а потом переехал и, разумеется, увел с собой клиентуру.

Новое здание было совсем другое дело — вы его знаете. Двадцать номеров, большой ресторан, кафе-бар. На этот раз хоть покраски и оклейки не было. Все выписывалось прямо из Цюриха — приборы, столики, кожаные кресла. Он и впрямь привел еще трех официантов, уборщицу, женщину на кухню. Только для меня и Марии табак остался тот же. Для меня, собственно. Мария-то любила ухаживать за отелем, в хлопотах она забывала о том, другом. Целыми днями бегала вверх-вниз, а в обед и вечером стояла за баром. Все в той же кремовой блузке, с этими темными глазами, все такая же красавица — даже если хотите, еще красивее, чем раньше, уже зрелая и какая-то замкнутая, серьезная.

В числе других работ хозяин посылал ее разносить кофе и завтраки наверх по номерам. Так «пурбуары»^{4} шли к Марии, а значит и к Йогану. Все прекрасно, но однажды кое-что случилось. Есть клиенты, знаете, которые считают, что раз пользуются постелью, то могут воспользоваться и служанкой. Завертелся около Марии один торговец, попытался обнять, а она ударила его по морде и убежала. Тогда между ней и Йоганом вспыхнула перебранка. Первая настоящая перебранка.

«Ты меня разоришь, — сказал он. — Бьешь и гонишь самых лучших моих клиентов.»

«Я, что ли, виновата? Что я могла сделать? В постель к нему лечь — ты этого, что ли, хочешь?»

«Прекрати эту болтовню. Я хочу, чтобы не рухнуло все накопленное с таким трудом. Ты знаешь, что он мне сказал — торговец-то? «Если, — говорит, — у вас пошутить нельзя, чтобы человеку скандал не устроили, для меня и моих друзей найдется другой отель. Отелей много.» А этот тип каждый месяц нам по сто франков оставлял, не говоря уж о его друзьях.»

«Но я-то чем виновата, что я могла сделать?»

«Ты очень хорошо знаешь, что. Не открою тебе ничего нового, если скажу, что есть люди, которые приходят сюда в какой-то мере и из-за тебя, потому что — да что там — потому что ты красива, нравишься. Неужели настолько трудно быть с людьми полюбезнее? Если нахал пристанет, оттолкнешь его, разумеется, но обязательно ли бить и вопить по лестницам, чтоб весь свет решил, будто «Юнгфрау» стал вертепом? Не надо забывать, что наше благополучие — лишь фасад. В действительности положение у меня просто ужасно. Здание заложено до последнего гвоздя. Нет банка, в котором бы я не был должником. Тут даже рюмки и вилки не наши. Пропустим хоть один срок выплаты — и отель пойдет к чертям.»

Как бы там ни было, они вроде помирились и все закончилось поцелуями и объятиями. Но дело в том, что спустя месяц скандал повторился. Был ли и удар по морде, не знаю, но крики доносились до самого низу.

На этот раз Йоган ничего не сказал. Он вообще перестал говорить с Марией. Та хотела ему рассказать, объяснить, умоляла понять — он молчал. Только тот, кто знает ее любовь, может догадаться, какую она пережила за эти дни тревогу. Мысль о потере Йогана доводила ее до умопомрачения. А тот молчал. Она с ним заговорит, а он повернется спиной или — хлоп дверью — и выйдет. В конце концов, когда Мария однажды снова завсхлипывала, он сказал:

«Этот плач излишен. Я для тебя ничто. Ничего не поделаешь, вывод приходится сделать такой.»

«Йоган, как ты можешь такое говорить. Ты для меня всё, милый — я готова исполнить и самое мелкое твое желание, только не посылай меня больше наверх по номерам.»

«А пурбуары? — спросил Йоган. — Оставим уборщице, да? Чтоб она половину в карман себе прибрала?»

На лице Анри снова появилась кривая усмешка:

— Вы, может, решили, что она возмутилась такой мелочностью. Вот только для здешних людей, господин, чаевые — это совсем не мелочь. Так или иначе, Йоган в конце концов заговорил, и женщина была готова на все, лишь бы он стал нежным, как раньше. В конце концов он снова оттаял и вся история, наверно, опять закончилась объятиями. Мария поведала, какую муку испытала за те дни, он признался, что для него конец был уже совсем близок, да все такое.

Так что Мария продолжала разносить кофе и напитки и держаться с клиентами любезно. Результат любезного поведения в гостиничных номерах вам, полагаю, известен. Чем гостеприимнее улыбается женщина, тем больше клиенту хочется воспользоваться этим гостеприимством до предела. И однажды случилось то, что и должно было случиться. Какой-то турист посягнул на Марию, та при мысли о Йогане не посмела закричать, турист оказался сильнее — вот и все.

Я видел, как она вошла в канцелярию Йогана с побледневшим лицом и полузакрытыми глазами. Затем Йоган вылетел из кабинета и убежал наверх. А немного погодя вновь спустился, уже спокойный и тихий. Сумма за нанесенную обиду, наверно, оказалась достаточно круглой.

Анри замолчал и облизнул губы.

— Еще немного коньяку? — предложил я.

Тот кивнул.

— Интересно, когда пью, начинаю говорить, а как разговорюсь, тут же выпить хочется. Замкнутый круг, знаете.

Принесли новую рюмку.

— В сущности, чтоб не быть несправедливым к Йогану, нужно сказать, что в первое мгновение и он ходил, как отравленный. Нелегко ведь делиться с прохожими женщиной, которая до вчерашнего дня была лишь твоей. Но тут сыпались деньги. И все остальное впридачу.

Если кто страдал по-настоящему, так это Мария. К отвращению и обиде примешивался страх

потерять любимого человека. Йоган поспешил ее успокоить: происшедшее ничего не изменило в их отношениях, сейчас он ее любит даже больше, чем когда-либо, и так далее.

А спустя некоторое время случай повторился. На этот раз хозяин воспринял все совершенно спокойно и, как я понял, выудил компенсацию еще ловчее. Для него весьма выгодным было то обстоятельство, что Мария сопротивлялась всерьез. Значит, не могло быть и мысли о шантаже.

«Такую сумму заставил его отстегнуть, — сказал он Марии, — что надолго запомнит.»

«Умоляю тебя, Йоган, верни эти деньги и больше никогда не посылай меня наверх.»

«Вернуть деньги? С ума ты, что ли, сошла? Ты имеешь вообще представление, какая это сумма? Еще бы несколько таких сумм — и совсем выплывем.»

«Но разве ты не видишь, что превращаешь меня в шлюху? И ты меня возненавидишь, и я сама себя возненавижу. Умоляю, положим этому конец!»

«Ты шлюха? Моя красивая большая девочка, да ты же для меня самое дорогое, единственное сокровище. Еще немного терпения — и унижениям придет конец. Увидишь, как тогда заживем вдвоем.»

У него всегда была масса добрых намерений. Дорога в ад, как вы знаете, вымощена одними лишь благими намерениями.

— А приятель твой? — спросил я.

— Какой приятель?

— Другой официант — влюбленный. Что делал он?

— Ничего. Что он мог сделать? Смотрел и сердце у него обливалось кровью.

— Твой приятель был дурак.

— Возможно. Но будь он и умным, результат все равно был бы тот же. Раз эта женщина ради Йогана была готова на такие унижения, значит не убежала бы с тем, другим, даже за все сокровища мира. Страдал он, конечно, и все мы страдали. Этих происшествий постепенно становилось больше. Все чаще я видел, как Мария выходит из какого-нибудь номера с разломаченными волосами и в истерзанном платье. Поварихи на кухне посмеивались: «Марию-то на этой неделе в третий раз обещещивают.»

Поначалу она переживала тяжелые кризисы, лицо у ней постоянно было опухшим от плача. Она избегала взглядов окружающих, таяла перед всеми от стыда, но Йоган хотел, чтоб было так, и она подчинялась.

Потом она перестала делать драму — притерпелась или просто отупела. Вошла в число тех обыкновенных женщин, что хлещутся по гостиницам и с которыми всякий может закрутить приключение. Йоган, надо сказать, был не сильно доволен таким развитием событий. Не из-за чего другого, а что сумм больших уже не сыпалось. Всякий знал, сколько стоит Мария. Зато доход был регулярным, его можно было посчитать предварительно, как выручку от кафе или механического пианино. Вообще, для Йогана дела развивались неплохо. Он пополнил, остепенился, в воскресенье ходил в церковь, его выбрали в совет общины.

Прошли еще годы. Он так и жил с Марией, словно ничего не произошло. Наверно, она ему немного опротивела, но Йогану некогда было бегать по разным девочкам, да и когда к какой-то женщине привыкнешь — сами знаете. От прошлой Марии, в сущности, немного еще

уцелело. Тело одрябло, лицо увяло — такое стало без всякого выражения. Я себя спрашивал иногда, есть ли еще у этой женщины какие-нибудь чувства. Потом понял, что есть.

Анри замолчал и поднял руку к бару.

— Будет пять, — сказала официантка, принеся рюмку и картонку.

— Я не спрашивал, сколько будет, — пробормотал мой собеседник. — Давай, иди — зовут тебя.

Он поднял рюмку, поколебался и опять отставил.

— Сберегу напоследок, — сказал Анри. — Пять — моя доза.

Из домика-часов показалась деревянная птичка и в буфете опять раздалось металлическое скрипящее кукование. Пассажир за соседним столиком шевельнулся, посмотрел на часы и взял кружку. Потом вспомнил, что пиво выдохлось, и сонно опустил голову.

— А потом что стало?

— Потом стало самое скверное. У хозяина вошло в привычку уходить время от времени после обеда и даже пропадать на целый вечер. Кассу он доверял мне, представьте себе. Невиданное дело. Однажды я услышал, что он крутится возле дочери какого-то богатого помещика. У Йогана давно была мечта: иметь собственную ферму, откуда получать все продукты для отеля.

Видно было, куда идут дела, и никто не удивился, когда однажды было объявлено о помолвке. Для Марии это стало новостью. Я еще помню, как мы с ней и обеими уборщицами спозаранку убирались в ресторане.

«Наш-то вроде обручился,» — сказала одна.

«Кто наш?»

«Господин Йоган.»

«Что произошло?» — совсем тихо спросила Мария.

«Ничего, — говорю. — Треплют что попало. Эй, давайте там поживее и хватит глупостей.»

Она, однако, услышала и пошла в канцелярию. Йоган заверил ее, что действительно собирается жениться.

«При таких рыночных ценах, — сказал он, — у меня нет иного выхода. Пойми, что тут даже и речи нет о любви. Если я не сделаю этот шаг, то предприятие пойдет к чертям.»

Немного погодя я видел, как она выходит еле-еле, словно собирая силы на каждый шаг. Она пошла куда-то вверх. Приближался обед — от нее никаких вестей. Я поднялся посмотреть, где она. Нашел на постели в одном из номеров. Наглоталась вероналу. В больницу мы ее отвезли уже остывшую.

— И она умерла, да? — спросил я, посмотрев на часы.

— Спасли. В сущности, ничего не спасли. Из больницы выписали развалину. Растаявшую, угасшую, да и тут у нее что-то сдвинулось, — Анри постучал пальцем по лбу. — Йоган снова ее взял. Из жалости, как он сказал. Бесплатные работники не каждый день попадаются.

— А потом? — спросил я и снова посмотрел на часы.

— Что потом... Прошло еще много лет. Мария делала самую черную работу, мыла заплывшие жиром котлы и терла паркет. На другое уже больше не годилась. Раздавил ее Йоган — вот и все. Тут все кого-нибудь давят, чтобы добраться до виллы, до магазина, до отеля. Поднялся, говорят, по общественной лестнице. А лестница-то эта, господин, — людские головы и сердца, доверчивые головы и мягкие сердца. Наступай на них и иди наверх!

Анри поднял рюмку.

— А как приятель твой — официант?

— Ничего. Живет.

— Ты себя имеешь в виду? — спросил я.

— Себя или кого другого — какая разница. Марии вот больше нет.

— Значит, все-таки умерла.

— Можно и так сказать. В последние годы совсем одряхлела, поседела, дрожь появилась. Уже и на черную работу не годна стала. С головой у ней тоже, как я сказал, было не в порядке. Многие из случившегося позабыла, а жила небылицами. Все думала, что где-то у нее есть сын, что надо о нем заботиться.

«Слушай, миленькая, — сказал однажды хозяин. — Ты думаешь, это справедливо, что я тебя содержу, а ты ничего не делаешь. Ты же знаешь, что положение у меня и без того не розовое.»

«Что делать, Йоган, нету у меня сил. Найди мне что полегче и увидишь — не откажу. Мне же ведь надо и о сыне думать, правда? Когда-нибудь мальчик вернется. Что я ему дам?»

«Конечно, — говорит. — Будешь работать, а заработанное станем откладывать. Сыну ведь тоже нужно свое.»

И устроил ее. Догадываетесь, наверно? Просит милостыню с увядшими цветами из ваз. Не к чему выбрасывать чуть привядшие цветы.

— А ты все еще при этом человеке?

— Какое это имеет значение? — сказал Анри, протирая глаза. — Теперь уже все равно. Как после смерти. Или пятой рюмки. Ваш поезд, наверно, уже пришел. * * *

На днях, роюсь в книгах, я нашел в швейцарском путеводителе засохшую розу, помятую и совсем побуревшую. Сперва я не мог вспомнить, зачем сохранил этот мусор. Потом передо мною всплыло робкое старушечье лицо с двумя влажными синими глазами, блестящими под старомодной соломенной шляпкой.

И как когда-то, я услышал трепещущий кроткий голос:

— Одну розу, господин...

(Перевел Д.Прокофьев)

Комментарии

1

Монблан — вершина в Альпах, самая высокая гора Западной Европы.

2

Юнгфрау (от нем. Jungfrau — букв. «девушка, молодая женщина») — название высокой вершины в Альпах.

3

фройляйн (от нем. «Fräulein» — «молодая женщина») — барышня (принятое в немецкоязычных странах обращение к незамужней женщине).

4

пурбуар (от фр. «pour-boire» — букв. «на питье») — чаевые.